

Гордон Ури. Тело Левиафана: восстанавливающая анархистскую социальную теорию Фредди Перлмана

Аннотация

Анархистский максимализм Фредди Перлмана оказал формирующее влияние на возрождение движения после 1960-х годов, не считая его более поздней и известной критики одомашнивания. Давно забытые книги, памфлеты и пародии Перлмана 1968-1972 годов показывают, что он отстаивал антиавангардистскую этику прямого действия и практического деотчуждения, одновременно работая над самобытной и отчетливо анархистской социальной теорией господства. В этой статье прослеживается влияние на мысль Перлмана Айзека Рубина, К. Райта Миллса, а также, возможно, Анри Лефевра и Петра Кропоткина. Оригинальность Перлмана заключается в обобщении гетеродоксальной марксистской критики общественного воспроизводства, включающей в себя производственные отношения, но выходящей за их рамки. Так, он явно ставит государство в аналитический паритет с капиталом, теоретизируя власть как фетиш, отличный от меновой стоимости. Имплицитно он указывает на другие контейнеры для отчужденных сил, включая семью, религию и науку. Однако описание Перлманом само- и общинной власти остается неполным, упуская конституирующее насилие и приглашая к взаимодействию с современными интерсекциональными подходами.

Введение

Некоторые анархисты отличаются от марксистов только тем, что они менее информированы. Они хотели бы заменить государство сетью компьютерных центров, фабрик и шахт, координируемых "самими рабочими" или анархистским профсоюзом. Они не будут называть это объединение государством. Смена названия изгонит зверя".

(Perlman 1983:5)

Научное пренебрежение к Фреду Перлману резко контрастирует с его посмертным наследием. Наряду с Ноамом Хомским и Мюрреем Букчиным, Перлман был самым влиятельным американским писателем-анархистом своего поколения, "пророком", чье "проницательное видение прорезало и вновь показало существенную упорядоченность и ограниченность концепций анархии его [двух бывших] сверстников" (Moore 1995:363). Перлман выпустил четыре книги политических работ, более двадцати статей и памфлетов, два романа, две пьесы и (совместно со своим детройтским кооперативом Black & Red) первые английские переводы ключевых текстов, включая "Общество спектакля" (Дебор 1970), "Историю махновского движения" (Аршинов 1974) и "Блуждания человечества" (Каматт 1975). Его богато иллюстрированные, самопечатные работы также стали вехой в визуальной культуре DIY, наполнив эстетику андеграунда знакомой теперь смесью дада, сюрреализма и ситуационизма.

Тем не менее, за пределами движения прямого действия Перлман остается практически неизвестным. На сегодняшний день его творчество является предметом единственного академического исследования: смелой докторской диссертации Марка Хуба (2005) о духовной политике в книге "Против Его-истории, против Левиафана! (ПЕПЛ) (Perlman 1983). Хотя этот мифопоэтический опус время от времени всплывает в дискуссиях об анархо-примитивизме и технологическом засилье (el-Ojeili and Taylor 2020, Dunlap and Jakobsen 2020), обильные ранние работы Перлмана не получили сколько-нибудь продолжительного рассмотрения. Биография Лоррейн Перлман (1989), две графические ретроспективы (Blauvelt 2016, Aubert 2019), а также несколько кратких посвящений и обзоров исчерпывают доступную литературу (Poynton 2018, Tucker 2017, Artnoose 2014, Lee 2010, Cohen 2009, Black 2004, Watson 1997, Cafard 1996, Moore 1995).

Такое пренебрежение вдвойне озадачивает, учитывая всплеск интереса ко всем аспектам анархизма, радикальной эстетики и "новых левых" в последние два десятилетия. Даже недавний полувековой юбилей французского майского восстания 1968 года, о котором Перлман написал первую развернутую критику (Gregoire and Perlman 1969), не вызвал возрождения интереса. Конечно, к иконоборческому и жанровому творчеству Перлмана легче подходить эмпирически, чем аналитически. В его творчестве образная проза, кричащая пародия и текстовый коллаж перевесили интеллектуальные комментарии, поскольку "*Фреду прошел путь от блестящего теоретика до певца, от политического активиста до интуитивного бунтаря... приблизившись к тем забытым ныне архаичным ритмам, которые глубоко бьются в каждом из нас*" (Watson 1997:246). Возможно, само богатство и разнообразие самовыражений Перлмана стояло на пути критической оценки, чему не способствовало его собственное презрение к академическим кругам. Какова бы ни была причина, знакомство с его богатым творчеством остается столь же полезным, сколь и

скудным.

Эта статья посвящена работам Фреди Перлмана среднего периода (1968-1972), написанным на фоне политических и интеллектуальных обломков несостоявшихся революций шестидесятых годов. За десять лет до того, как его идеи изменились под влиянием растущей озабоченности проблемами геноцида, фемицида и экоцида, а также встречи с прошлым коренных народов Великих озер, Перлман уже занимался вопросами упрямого утверждения господства и репрезентации в циклах социальных потрясений и их долговечности в повседневной жизни. В процессе он начал работать над оригинальной и явно анархистской теорией господства как тотальности, которая могла бы объяснить отчуждение различных человеческих сил в иерархических институтах, которые они воспроизводят, и в то же время обосновать необходимость прямого действия и непосредственности в преобразующей борьбе. Восстановленные из разнородных стилей и из тени его более поздних работ, эссе Перлмана по социальной теории могут стать богатым источником информации для современных анархистских дискуссий о власти и освобождении.

Отправной точкой Перлмана, которая лежит в основе всей его работы, является критика отчуждения как практики. Изначально заимствованная у Маркса через Исаака Ильича Рубина, а затем под влиянием ситуационистов и, возможно, Лефевра, ключевой для этой критики является концепция фетишизма, обозначающая инвертированное господство социальных форм отчужденной власти над индивидами, которые их воспроизводят. Под влиянием своего активистского опыта и анархистских историй, которые он читал и переводил, а также под влиянием выборочных намеков из К. Райта Миллса и, возможно, Кропоткина, Перлман совершает прорыв, обобщая этот рассказ о фетишизме, чтобы включить в него производственные отношения, но выйти за их пределы. Таким образом, он явно ставит государство в аналитический паритет с капиталом, теоретизируя власть как фетиш, отличный от меновой стоимости. В неявном виде он указывает на различные другие контейнеры для отчужденных человеческих сил, включая семью, религию и науку. Отождествляя прямое действие с возвращением отчужденных сил, Перлман придает социологическую последовательность анархистскому аргументу против представительства и за коллективную автономию в социальной борьбе.

В работах Перлмана исследуемого периода прослеживается сочетание ожиданий постиндустриального дефицита и критики современности, наряду с постоянными текстовыми и графическими отсылками к древним и мифическим темам. Я оставляю за собой право проследить эти темы до его критики 1980-х годов в отношении одомашнивания, патриархата и прогресса. Это не означает, что нужно сбрасывать со счетов анархо-примитивистские политические высказывания (el-Ojeili and Taylor 2020), не говоря уже об анархистском взаимодействии с ранним человечеством (Wengrow and Graeber 2015, Scott 2017) и критике технологий (Firth and Robinson 2020). Однако мой главный аргумент здесь состоит в том, что более ранний и более продолжительный вклад Перлмана в анархистское возрождение последних десятилетий следует искать в его максимализме - термине Мура для анархистской критики, охватывающей не только государство и капитал, но и *"совокупность властных отношений и ансамбль структур контроля"* (Moore 1998:9), в сочетании с анархистскими практиками, *"приверженными прямому действию"* и

экспериментальным альтернативам (13). Несмотря на центральное место максимализма в анархистской традиции, именно этот максимализм Перлман отстаивал не только против авангардистов из "Новых левых", но и против анархистов, сосредоточенных на членстве и пропаганде, а не на близости и действии. Перлман отказывался называть себя анархистом или любым другим -истом, кроме "виолончелиста" (Perlman 1989:96). Однако, как мы увидим, он часто использует термины "анархия" и "анархисты" с ироническим одобрением, как нечто, чего боятся и государственные чиновники, и левые организаторы, и все чаще использует анархистскую, а не марксистскую политическую лексику. В той мере, в какой максимализм стал (пере)определять как анархистскую практику, так и прочтение анархистской традиции, во многом это произошло благодаря Перлману и его последователям.

После биографического очерка в разделах 2-3 ниже прослеживается развитие идей Перлмана, особое внимание уделяется Рабоче-студенческому комитету действий (WSAC) и "Руководству для революционных лидеров". Раздел 4 завершает интерпретационный комментарий, а затем переходит к содержательной критике. В нем Перлман ставит под сомнение элиминацию насилия в своем рассказе о само- и общинной власти, открывая путь для взаимодействия с современными теориями интерсекционального взаимодействия. В заключение предлагаются пути для дальнейших исследований богатой, но забытой работы Перлмана.

(Де)отчуждение как практика

Перлман родился в Брно, Чехословакия, и вместе с семьей бежал от нацистского вторжения в Кочабамбу (Боливия), а затем поселился в Кентукки. С 1959 по 1963 год он учился в Колумбийском университете и жил на Манхэттене со своей партнершей Лоррейн, став печатником в "Живом театре" и написав антиимпериалистическую пьесу "Разграбление". Затем супруги переехали в Югославию, где Перлман в Белградском университете защитил докторскую диссертацию по политике развития сельских районов. В 1966-69 годах он преподавал в Западном Мичиганском университете в Каламазу, где были опубликованы первые памфлеты Black & Red. В мае 1968 года, прочитав двухнедельный курс по экономической теории в Турине, он сел на последний поезд в Париж перед закрытием железнодорожных линий и сразу же был поглощен захватывающими сценами французского восстания. Вскоре после этого Перлман порвал с академической наукой, и пара поселилась в Детройте. Они стали частью кооперативной типографии, которая печатала большинство работ и переводов Перлмана под маркой "Black & Red". Статьи в детройтской газете "Fifth Estate" ознаменовали его поворот к экофеминизму и примитивизму (Perlman 1979, 1982, 1984), в конце которого вышли книги Против "Его-истории, Против Левиафана" (ПЕПЛ) и незаконченный роман "Пролив". У Перлмана всю жизнь были проблемы со здоровьем, и он умер после второй операции на сердце в 1985 году (Perlman 1989).

Случайная роль Перлмана в эпицентре парижского восстания сыграла решающую роль в его политическом и интеллектуальном развитии. В Париже он *"участвовал в слабо организованной группе интеллектуалов, студентов и молодых рабочих, которые проводили дискуссии в учебном комплексе Сенсье при университете Сорбонны, а также пытались*

донести свои чаяния до рабочих-автомобилистов, живших и трудившихся в парижских пригородах" (Perlman 1989:47). Эти комитеты действий студентов и рабочих выпустили несколько листовок, одна из которых призывала к "единству рабочих и студентов в борьбе "за уничтожение этой полицейской системы, которая угнетает всех нас""; другая пропагандировала бескомпромиссный интернационализм и солидарность с иностранными рабочими (Gregoire and Perlman 1969:14; ср. Gordon 2011). В это время он "познакомился с идеями и историей, которые повлияли на него в последующее десятилетие: тексты Ситуационистского интернационала, анархизм и испанская революция, коммунисты Совета" (Perlman 1989:48). Вдохновленный зрелищем черно-красных флагов, развевающимися бок о бок над Сорбонной и Биржей, он впоследствии сделает "Black & Red" главной артерией для франко-английской передачи анархистских, левокоммунистических и ситуационистских текстов.

Репортажи Перлмана из Парижа, написанные по ходу событий, стали первой частью книги "Worker-Student Action Comminees". Дальнейшая критическая дискуссия завершилась в Каламазу при участии Роже Грегуара, приехавшего из Парижа. Книга проиллюстрирована множеством карикатур и графических изображений, сделанных во время восстания. Образцовый характер оккупации Сенсье авторы видят в ее практическом разрыве с общественным разделением труда: она заменила институциональные нормы университета самоуправляемой структурой рабочих групп и общего собрания; превратила здание из авторитетной институциональной оболочки для специализированных знаний в площадку для самостоятельного творчества, размышлений и действий; и практически отменила различие между "рабочим" и "студентом" как олицетворение социальных ролей. Благодаря этому сознательному "процессу политического отчуждения" (Gregoire and Perlman 1969:43), участники впервые осознали свою социальную власть на практике.

В отличие от того, когда профсоюзы, контролируемые Коммунистической партией быстро переходят к контролю над забастовками:

“ Захваченные фабрики не превращаются в места для самовыражения и обучения; не создаются общие собрания; рабочие не осознают свою коллективную власть и не присваивают себе производительные силы общества. Присвоение социальной власти рабочим населением означало бы превращение всего общества в место коллективного самовыражения, в место активного, сознательного, отчужденного творчества. Такая анархия предотвращена. (67)

В книге содержится еще двенадцать позитивно-иронических употреблений слов "анархия" и "анархисты". Однако основная критика направлена на самих оккупантов Сенсье (включая авторов), которые не смогли перенести свой практический и когнитивный разрыв с отчуждением на действия за пределами оккупированного пространства:

“ "Когда люди, организовавшие свою деятельность внутри оккупированного университета, вышли к "рабочим", либо на баррикады, либо на фабрики, и когда они сказали "рабочим": "Вы должны захватить свои фабрики", они

демонстрировали полное незнание того, что они уже делали в бывших университетах" (71, ориг. капс.).

Обращаясь к рабочим как к специализированному сектору общества, оккупанты возвращались к принятию доминирующего общественного разделения труда. Вместо того чтобы предпринимать прямые действия от своего имени, оккупанты предпочли подчиниться инициативе рабочих фабрики: "Одним из любимых аргументов "анархистов" и "либертарианцев" в Сенсье был следующий: "*Рабочие должны сами принимать решения; мы не можем подменять их*". Это слепое применение антибюрократической тактики к ситуации, где данная тактика вообще не имела применения" (89).

Поскольку на фабриках не было организовано никаких собраний, такое почтение просто передавало поле коммунистическим профсоюзам, а не автономно противостояло им. Перлман представляет себе подлинную революционную эскалацию, когда тысячи людей вторгаются на многочисленные фабрики и объявляют их общественной собственностью - не "от имени" "рабочих", а как акт коллективной власти, выходящий за рамки отчужденных социальных категорий. Такая возможность, наверное, существовала в самом начале, но была упущена, как только Комитеты действия определили свою роль в плане работы с населением. Последующие конфликты по поводу институционализации, выходы самозванных лидеров и финальное полицейское задержание стали лишь затянувшимся эпилогом.

Чтобы осветить контекст этой критики, мы должны проследить интеллектуальное становление Перлмана. Катализатором здесь легко назвать книгу Исаака Ильича Рубина "Эссе о теории стоимости Маркса". Перлман перевел её в 1967 году (на сербскохорватском языке) вместе со своим бывшим белградским руководителем Милошем Samardžija, добавив оригинальное предисловие (Rubin 1973; ср. Perlman 1970). С 1926 года и до своего ареста в 1931 году Рубин являлся научным сотрудником Института Маркса-Энгельса в Москве. Вынужденный обвинить директора Института Давида Рязанова в якобы имевшем место меньшевистском заговоре, Рубин на самом деле совершил идеологический проступок (Болдырев и Краг 2015). Стоимостно-формальный подход Рубина к капиталу сосредоточился на овеществлении абстрактного труда и рассматривал товарный фетишизм как краеугольный камень политэкономии Маркса. Это не только противоречило сталинскому экономизму, но и было опасно для "*государственной бюрократии, покупающей отчужденный труд и аккумулирующей "Капитал" во имя Маркса*" (Perlman 1969a:17). Перлман дополнил свое предисловие резкой критикой американской вузовской экономики, где "*интеллектуальное законодательство*" исключает политическую экономию и делает Маркса нечитаемым (Perlman in Rubin 1973:x). В центре его изложения - аргумент Рубина о том, что Маркс не отбрасывает концепцию отчуждения, встречающуюся в его ранних работах. Напротив, критика Марксом политической экономии содержит ее дальнейшее развитие в виде теории товарного фетишизма. Рубин не упоминает "Экономико-философские рукописи" Маркса, которые были опубликованы Рязановым на русском языке в 1927 году, но ошибочно названы "*Подготовительной работой к "Святому семейству"*" (Musto 2015:234). Перлман заполняет важный пробел в аргументации Рубина, приводя обширные цитаты из "Рукописей". Он утверждает, что, хотя "*нет сомнений в том, что в 1844 году Маркс говорил о человеческом обществе и человеческой сущности, которую можно реабилитировать,*

вернуть или восстановить... неотчужденный, идеальный, неисторический человек", после его разрыва с Прудоном в 1859 году "конфликт вновь возникает в новой плоскости... [не] между идеалом и реальностью, а как конфликт между производительными силами и социальными отношениями, оба являющимися частью реальности" (1973:xxi).

Доступное изложение Перлманом теории формы стоимости, "Воспроизводство повседневной жизни" (Perlman 1969a), было широко прочитано студентами Новых левых (Cohen 2006:3ff.). Ее центральный аргумент состоит в том, что *"намеренное отчуждение жизнедеятельности, воспринимающееся членами капиталистического общества как необходимое для выживания, само воспроизводит капиталистическую форму, в рамках которой отчуждение необходимо для выживания"* (Perlman 1969a:14). В самом начале Перлман указывает на диахронический взгляд, используя племенные и рабовладельческие общества в качестве первых примеров, иллюстрирующих, как повседневная деятельность людей *"воспроизводит жителей, социальные отношения и идеи общества... социальную форму повседневной жизни"* (Perlman 1969a:2. При капитализме повседневная деятельность воспроизводит наемный труд и капитал, а люди *"воспроизводят персонификации доминирующих форм активности при капитализме; они воспроизводят наемного работника и капиталиста"* (7). Перлман заимствует термин "персонификация" из интерпретации Рубином мимолетного замечания Маркса в "Капитале" т. 3 (1966:866) о том, что капиталист и помещик *"персонифицируют" капитал и землю. Это, по мнению Рубина, указывает на инвертированное господство фетишей над людьми, чьи социальные отношения они опосредуют, в результате чего "конкретные индивиды оказываются подчинены господствующему типу отношений производства... Таким образом, кажущееся сужение между "овеществлением людей" и "овеществлением вещей" разрешается в диалектическом, непрерывном процессе воспроизводства"* (Rubin 1973:23-25, *emph. in orig*). При таком прочтении отчуждение - это "не чувство и не идея" (Perlman 1969a:5); "Люди (1) на самом деле относятся друг к другу через вещи; фетиш есть повод, ради чего они действуют коллективно, через него воспроизводят свою деятельность". (8-9) Заимствуя термины Нормана Гераса (1971), можно сказать, что Перлман описывает фетишизм как реальное господство, а не как мистификацию и ложное сознание - *"конституирующий счет фетишизма, где социальные отношения между людьми представляют собой внешние и чуждые сущности, доминирующие в обществе"* (O'Kane 2013:22).

Название памфлета перекликается с "Критикой современной жизни" Анри Лефевра (Lefebvre 2014). По словам Лоррейн Перлман (личное общение, 2.6.20), "этой книги нет в нашей библиотеке, и я не помню, чтобы Фреда ее читал. Но он определенно знал о ней, и название "Воспроизводство" подтверждает эту связь". Читал ли Перлман Лефевра или только Рубина и ситуационистов, сходство поучительно. Лефевр исходит из практической деятельности и "форм внешнего вида", принимающих этой деятельностью в конкретных исторических условиях. Таким образом, он рассматривает фетишизм не как свойство фетишизируемого объекта или эпистемологическую ошибку индивида, а как социальную категорию, абстрактную и конкретную, стремящуюся в процессе социального воспроизводства *"функционировать как независимая от людей объективность [sic] ... как способ существования социальной реальности, актуальный способ сознания и человеческой жизни, и как видимость или иллюзия человеческой деятельности"* (Lefebvre 2009a:80-1). В результате, разрыв с отчужденным социальным воспроизводством предполагает не просто

когнитивный разрыв, а сознательную практику иных социальных отношений. На этом основана явно проанархистская поддержка Лефевром автогестии (самоорганизации). Наряду с присущим ей антигосударственничеству автогестия *"стремится восстановить примат потребительной стоимости. Она "есть" потребительная стоимость человеческих существ в их практических отношениях"*, повышая их ценность "против мира товара" и указывая на радикальное оспаривание капитала и государства (Lefebvre 2009b:148).

Возвращаясь к Комитетам действия, мы можем увидеть, что Перлман конкретно применяет этот подход, для оценки с точки зрения их (ограниченного) практического разрыва с отчуждением. При этом он эффективно использует теорию ценностных форм для формулировки знакового анархистского принципа единства средств и целей. Хотя такое единство может быть в равной степени сформулировано в терминах добродетельной практики (Фрэнкс 2020) или зависимости от пути (Гордон 2018), Перлман связывает его с специальным пояснительным описанием социального воспроизводства. С этой точки зрения, деотчуждение - одновременно и общая цель социальных преобразований, и важнейшее качество практик, способствующих их осуществлению. Хотя его аргументы основаны на гетеродоксальном прочтении Маркса и, несмотря на критику Перлманом "анархистов" и "либетарианцев" в оккупированном Сенсье, он продвигает ту же самую этику прямого действия, которую анархисты связывают с терминами наподобии "префигуративная политика" или "конкретная утопия."

Важно отметить, что мы также начинаем видеть обобщение Перлманом фетишизма, выходя за рамки категорий ценностных форм. В самом начале WSAC он ясно выделяет четыре формы отчуждения и поддерживающих его разделения (39-40, мое перефразированное резюме):

1. Отчуждение от политической власти всех членов общества и ее присвоение путем выборов, наследования или завоевания специализированным правящим классом (разделение на правящих и управляемых);
2. Продажа производителями производительного труда и его покупка капиталистами (боссы и рабочие);
3. Отчуждение рефлексивной деятельности специализированного корпуса "работников интеллектуального труда" (мыслители и исполнители, студенты и рабочих);
4. Отчуждение творческой деятельности в пользу "художников" (творцы и зрители).

В этом описании нет ничего, что могло бы придать аналитическое превосходство одному компоненту (2), и тем самым Перлман отходит от ортодоксальной марксистской привилегии производства и пролетарской деятельности. Можно сказать, что, поскольку деотчужденная практика не может быть обоснована фетишизированными социальными категориями, которые она больше не воспроизводит, во время революционной трансформации и бывшие студенты, и бывшие рабочие в равной степени становятся членами класса, находящегося в процессе самоликвидации (ср. Proletarios Revolucionarios 2020).

От Теории к Пародии

Прямое действие также занимало центральное место в первых памфлетах Black & Red, изданных Перлманами в Каламазу. Выпуск 2, критический репортаж с Демократической национальной конвенции 1968 года в Чикаго (Perlman 1968a), высоко оценивает захват йиппи общественного парка: "Организовав свою деятельность без приказов и разрешений, без компромиссов и переговоров", они "проявили" свою свободу, отвоевав общественное пространство, и тем самым "перестали признавать легитимность государства", что вызвало насилие с его стороны. Напротив, неудачи студенческих организаций высмеиваются в выпуске 4 "Мы объявили забастовку, и никто не пришел" (Perlman 1968b). За печатным станком Перлман начал открывать для себя множество новых графических возможностей, и теперь его работы быстро отходят от традиционных текстовых форматов. В качестве примера можно привести "Strike" - 46-страничный коллаж-комикс формата А5, в котором речевые пузыри выходят изо рта фигур на картинах эпохи Возрождения, гротескных скульптур и белых мужчин в костюмах.

Эта "Аллегорическая эпопея со сносками" (1), вдохновленная "Потерянным раем", повествует о неудачной попытке организовать студентов в последнем раунде космической борьбы между Сатаной и Богом. Аватары Сатаны обнаруживают, что Бог хочет восстановить свою ускользающую власть, отказавшись от христианства и присвоив сатанинский дар Разума; он "соберет людей в рационально организованные институты, где каждый выполняет работу, установленную властью" (5). Если этого не произойдет, он устроит Судный день. Затем Бог, изображенный как Кларк Кент и Супермен, представляет свою собственную сущность как "социальные отношения Власти и Подчинения... любые отношения между Правителями и Управляемыми" (10). Он обещает нарушить планы последователей Сатаны, которые "на грани абсолютного отрицания, свободы... будут использовать эту свободу только для того, чтобы поработить себя заново" (12). Как выясняется, новое отделение SDS собирает цирк из хиппи, либералов и ленинцев. Они призывают к забастовке, но отвергают предложения аватаров о конкретных действиях по подготовке к ней, и в Судный день проходят маршем через здание администрации с криками "Забастовка! Забастовка!". Бог заключает:

“ Даже твои собственные аватары... едва смогли перейти от слов к делу. А что до остальных... До сих пор я скрывал от них знание об их силе... И все же я не удовлетворен. Ибо я хорошо знаю, что мое время подходит к концу. Я знаю, что ликвидация дефицита предвещает ликвидацию власти. Я знаю, что не могу долго держать человека в неведении". (45)

Это чувство технологического оптимизма соседствует с захватывающим мифологическим обрамлением комикса, предшествующим ПЕПЛ на 15 лет. Комикс "Удар!" гораздо более игривый, но также значительный с точки зрения политического языка и связей Перлмана. Он использует комические архаизмы (Бог - Сатане: "Thou grooveth, but thou diggeth me not"), а также архаизм написания существительных с большой буквы, чтобы подчеркнуть ключевые понятия, такие как власть, подчинение, разум, бюрократия, власть, нехватка,

страх, закон и порядок - все, что ассоциируется с анархистским лексиконом. Также поражает гротескное перечисление Богом десяти заповедей под четырьмя заголовками: Религия (беспрекословное принятие, нормализованное лицемерие, отсутствие чувства общности); Государство (эйджизм, убийство "врагов"); Частная собственность (сексуальные привилегии, владение меньшинством, доминирующие режимы правды); Семья (женщины как собственность, рабская депривация). Суббота опущена, а десятая заповедь разделена на две части. Как и ключевые слова, которые он выделяет заглавными буквами, и как пример из WSAC, эти четыре институциональные рубрики явно оторваны от аналитического приоритета Маркса в отношении производственных отношений, который сохраняют даже такие гетеродоксы, как Рубин и Лефевр.

Вместо этого мы видим, что Перлман все больше присоединяется к анархистским представлениям о классе и господстве - в частности, к "олигархическим" представлениям (мой термин), когда несколько групп концентрируют различные формы власти через различные, пусть и связанные, институциональные структуры, ни одна из которых не имеет аналитического превосходства над остальными. Так, Малатеста утверждает, что, помимо класса собственников, история завоеваний и эксплуатации породила "особый класс (правительство)", который легализует и защищает собственность, но при этом "использует имеющиеся в его распоряжении полномочия для создания привилегий для себя и подчинения, если может, самого класса собственников"; и "другой привилегированный класс (духовенство)", который "наряду с обслуживанием интересов класса собственников, обслуживает и свои собственные" (1899/2014:280). Рассмотрим также кропоткинское представление о государстве как о "власти, созданной для того, чтобы соединить интересы помещика, судьи, воина и священника" (Кропоткин 1903:гл.10) - качественно отличных друг от друга концентрациях власти, предшествовавших капитализму.

В библиотеке Перлманов хранится зачитанный, но без пометок экземпляр работ Кропоткина, вышедший в 1969 году в издательстве Freedom Press. По словам Лоррейн (беседа 26.09.20), "возможно, мы купили его, когда были в Лондоне в том году... Так что, думаю, мой ответ будет таким: "Скорее всего, он ее читал". Даже если он этого не делал, параллели уместны". Интерес Перлмана к немарксистским теориям класса и господства проявляется и в его последней научной работе - критике своего бывшего учителя К. Райта Миллса под названием "Бессвязность интеллектуала" (1969). В самом начале работы Перлман хвалит молодого Миллса за попытку постичь господство в его корне: "Миллс не читал препариование [Францем] Нейманом Нацистского Бегемота как описание далекого врага: "Анализ Бегемота бросает свет на капитализм в демократических странах... он [Нейман] обнаруживает врага с помощью 500-ваттного блика. И нацизм - лишь одно из его имен... Бегемот везде един". (Perlman 1969b цитирует Mills 1942:177).2

Однако, по мнению Перлмана, на протяжении всей его последующей карьеры "Миллс независимый революционер - продолжает сосуществовать с Миллсом - академическим циником". Таким образом, "веберианские лидеры и безвольные Воббли занимали отдельные отсеки в сознании Миллса... [и] никогда не сталкивались друг с другом напрямую" (1969a:np). Наряду с пронизательной критикой послевоенного американского общества, утверждает Перлман, Миллс продолжал публиковать работы в области позитивистской социологии, которые запутали анализ этих же вопросов - выдавая ограниченное понимание

Миллсом отчуждения как недовольства, а не как повседневной деятельности, посредством которой люди на самом деле *"отчуждают свою силу формировать свое окружение"* (1969a:n.p.).

В "Отчуждении" Перлман обращается к немарксистским политическим социологиям двух противоречивых мастеров Миллса - Макса Вебера и Торстейна Веблена. Перлман считает, что Миллс *"пересмотрел... и некритично относится к научности Вебера и его призыву к харизматическому лидерству"*. И снова, утверждает Перлман, Миллс не определяет отчуждение как связь между *"акцентом Маркса на том, что наемный рабочий "отделен" от средств производства"* и мнением Вебера о том, что *"современный солдат в равной степени "отделен" от средств насилия, ученый - от средств исследования, а государственный служащий - от средств управления"* (Mills 2009:88). Однако если отчуждение должным образом учтено, эта веберовская проникательность раскрывает свою ценность. Перлман вполне мог процитировать дальнейшее заявление Миллса о том, что Вебер таким образом *"дополняет"* анализ Маркса *"политическим и военным материализмом"*, и что поэтому *"военные и религиозные, политические и юридические институциональные системы"* должны анализироваться наравне с *"экономическим порядком"* (85) - таким образом, производственные отношения лишаются своего аналитического первенства у Маркса.

В отличие от Вебера, Перлман высоко ценил Торстейна Веблена (Perlman 1989:43). Миллс (1962:35) назвал Веблена *"лучшим социальным ученым, которого произвела Америка, который, вероятно... в глубине души был анархистом и синдикалистом"*, и объединил его с вобблистами. Однако, пишет Перлман, в книге "Элита власти" Миллс *"полностью затуманивает"* этику Веблена и исключает возможность трансформационных социальных изменений:

“ По мнению Миллса, историю делают элиты, и поэтому Миллс обращается к людям, которых Веблен характеризует как *"благородные и священнические классы вместе с большей частью их свиты"*, *"интеллектуалов, художников, министров, ученых"*... фрагментарных людей, чьи социальные позиции зависят от их служения власти (1969a:n.p.).

Это еще раз подчеркивает интерес Перлмана к немарксистским социологиям класса - в данном случае к институциональному учету Веблена, который в конечном счете не связан с производственными отношениями. Ближе всего к синтезу эти элементы подойдут в последней работе, рассматриваемой здесь, - "Руководстве для революционных лидеров".

Опубликованное под псевдонимом Майкл Велли, "Руководство" якобы пропагандирует *"современную модель революции"*, а именно *"революционную организационную идеологию, лидерство и борьбу за государственную власть"* (Perlman 1972, 11). Это самая богато иллюстрированная работа Перлманов. На угрожающей обложке изображен балийский клыкастый танцор и готический шрифт, что предвосхищает использование им блейковского пожирающего монстра на обложке ПЕПЛ. В первой главе ("Поколение революционеров") представлены девять полностраничных сюрреалистических коллажей, на которых танки едут по ярусам Вавилонской башни Брейгеля, пестрая религиозная процессия пересекает

стену из телевизоров, а "Танец" Матисса вращается среди огненных беспорядков на Капитолии. Во второй главе ("Восхождение к лидерству") в историческом начале каждого из 62 параграфов изображен "великий лидер", начиная с Кастро, Димитрова и Ленина и заканчивая Робеспьером. От Ленина до Робеспьера, Генриха VIII, Цезаря и, наконец, Саргона Аккадского (ключевого персонажа ПЕПЛ). Образы машин, ресторанной еды, пустошей и массовых убийств иллюстрируют третью главу ("Захват государственной власти").

Не менее поразительным является использование в "Руководстве" текстового коллажа. В то время как первая, теоретическая глава полностью оригинальна, программная вторая глава представляет собой вопиющий плагиат, состоящий из сотен неатрибутированных цитат из современных статей в *New Left Notes*, *National Guardian*, *The Movement*, *Red Papers* и других подобных изданиях. Через них проходят цитаты из трех других источников: "Немецкая идеология" Маркса и Энгельса, "Железный закон олигархии" Михельса и "Майн кампф" Гитлера. В сценариях, рассказанных в главе 3, Ленин и Мао часто говорят устами партийных чиновников и лакеев. Только во втором издании был добавлен список ссылок, в котором объясняется, что Велли *"заново создал проект, объединяющий эти широко разбросанные высказывания"* и *"поместил их в единую Мысль, фрагментом которой является каждая из этих идей"* (263).

Очень важно, что третья нить текста - также выделенная курсивом во втором издании - состоит из ключевых предложений из первой главы, которые вновь появляются в двух последующих. Предваряя блоки авторитарных цитат, они переосмысливают их в качестве перекрученной оценки оригинального анализа первой главы. Таким образом, я хотел бы утверждать, что "современная модель" Велли - это не просто пародийное зеркало авторитарных тенденций новых левых, а гротескная инверсия подлинного социального анализа Перлмана; Велли цинично использует точное понимание фетишизированной власти для разработки своей тоталитарной программы. Согласованность главы 1 с развивающимися идеями Перлмана и мощные аргументы в пользу анархистских стратегий деалиенации (деотчуждения) делают это прочтение убедительным. Под иронией мы обнаруживаем, что Перлман выдвигает поразительно оригинальную критику власти и государства.

Фактически, "Руководство" переходит к учету капитала и отчужденного труда только после рассказа о государстве, "безусловно, самом важном" среди "персонификаций, воплощений, представителей отчужденных сил общества": *"Государство - это персонификация власти сообщества, отчужденной власти индивидов коллективно определять методы, средства и цели своей социальной деятельности. В обязанности государства входит использование всех доступных средств для того, чтобы власть сообщества оставалась отчужденной"* (17).

В отличие от производственной власти, отчуждаемой формой которой являются товары или деньги, социальная или общинная власть отчуждается в виде должностей, обладающих социально легитимированным авторитетом. Перлман рассматривает авторитет как отдельную категорию фетиша первого порядка, наделенную нормативной, а не меновой ценностью:

█

Соглашаясь с легитимностью должности, наделенной определенной социальной властью, индивиды отказываются от своей собственной власти над этой частью социальной жизни... должность, от которой отказываются, становится "властью", имеющей "право" распоряжаться этой властью; индивид, который не отказывается от власти (имеется в виду от собственной власти в пользу институциональной - авт.), становится "преступником", не имеющим "права" распоряжаться ею; все остальные - послушные, "хорошие" и "законопослушные граждане" в той мере, в какой они не имеют власти над этой частью социальной деятельности". (18)

Перлман не идет дальше, чтобы проработать содержание социальной или общинной власти, где отсутствует авторитет, - этот вопрос я рассмотрю ниже. Пока же я хотел бы утверждать, что, помещая описание власти сообщества, фетишизма авторитета и государства перед своим описанием производительной власти, фетишизма товара и капитала, Перлман явно стремится поставить их в аналитический паритет. Дополнительным доказательством служат диадические утверждения о том, что люди *"отказываются от своей власти сообщества в пользу государства, а от своей производительной власти - в пользу капитала"* (19); *"пользуются отчужденной человеческой властью, представленной деньгами, и властью офисов"* (29); и живут в обществе, где *"отчужденная власть сообщества в виде государства, правительства - переживается как единственное реальное сообщество. Отчужденная производительная сила - капитал, деньги - воспринимается как единственный реальный производительный агент"* (29).

Это указывает на отказ от любого взгляда на государство как на вспомогательное средство для производственных отношений, какой бы относительной автономией оно ни обладало. Напротив, государство - это область первого порядка отчужденной власти, институциональный контейнер, который не может быть сведен к его роли в обеспечении отношений между владельцами и рабочими. Более того, хотя Перлман продолжает использовать термин "персонификация" для обозначения поглощения индивидов доминирующими социальными формами, он явно отделяет фетиш власти от марксистской материальной базы:

« завершенные разновидности, идеальные модели правящего поведения можно найти в деятельности, физически отделенной от производительных сил общества, которая географически карантинирована: в работе художников, независимых "профессионалов", политических организаторов на полную ставку и, особенно, в деятельности политических и образовательных иерархий (25).

Далее Перлман утверждает, что государство как область отчужденной власти не только старше капитала, но и готово сменить его в доминировании над производством. Он изображает капитализм *"кратким отступлением от обычной истории цивилизаций"* (35). Примеры колониализма, Японии эпохи Мэйдзи, СССР и постколониальных социалистических государств демонстрируют, что *"становится возможным установить центральные отношения накопления капитала непосредственно с помощью государственной власти, не*

повторяя исторического развития капитализма" (42). На Западе "захват и концентрация отчужденной власти сообщества, государства, стали формой развития производительных сил в условиях, когда прежние формы накопления капитала перестали выполнять свою историческую задачу"(43).

“ Ради стабильности и порядка развитие производительных сил необходимо контролировать, препятствовать ему, обращать вспять. Рог изобилия технического прогресса перестает вызывать надежды и все больше сеет смутные страхи. За производительными силами сутулится грубый зверь, час которого наконец настал и который готов обрушить на мир простую анархию. (36)

Таким образом, роль авангарда заключается не в том, чтобы способствовать переходу к коммунизму, а в том, чтобы прервать его - установить тоталитарное государство, которое затем возьмет под контроль сам процесс производства, а также все аспекты жизни. Анархистское прочтение партии авангарда в значении "тоталитарного государства в ожидании" цинично используется в главе 2, где Перлман говорит, что организация и ее лидер должны присвоить отчужденную самовластность боевиков.

Проблема, однако, заключается в том, что рабочие в развитых капиталистических странах меньше всего склонны следовать за партийными боевиками. В повседневном контакте со средствами производства от современных рабочих "ожидают одновременно автоматизма и воображения, одновременно послушания и творчества"(240). Это стимулирует их анархическое брожение, проявляющееся в "прогулах, саботаже, забастовках, захвате производственных предприятий и даже попытках демонтажа всего общественного строя... растущем сопротивлении государственной власти... отказе от отчуждения производственной деятельности... отказе от специализации" (239; ср. Зерцан 1988). Так, в главе 3 рассказывается о злоключениях партийных организаторов, предлагающих свое руководство восставшим рабочим и общинам, уже отвоёвывающим свои силы, причем эти эпизоды оцениваются в виде "комических сценок в лучших традициях Сида Цезаризма и Гроучо Марксизма" (Black 2004). Отсюда и дерзкая стратегия Велли: когда "происходит революционный подъем, революционные лидеры должны сразу же взять власть в свои руки - иначе волна настоящей анархии может стать сильнее нас" (137, курсив Ленина 1917:234). Выворачивая наизнанку анализ Перлмана, Велли пишет, что государственная власть должна быть захвачена:

“ когда народ стоит на пороге независимости, когда он достигает границы... и временно отступает. Это момент, когда все официальные власти взлетели на воздух, но индивиды общества еще не присвоили себе активно те полномочия, которыми они наделяли свергнутые власти" (184; курсив Маркса и Энгельса, 1848).

Анархистская практика и максималистская теория

До сих пор мы видели, как встреча Перлмана с анархизмом не только определила его антиавторитарную политику, но и обогатила его социальную теорию. Между строк своей пародийной, авангардистской политики Перлман разрабатывал концепцию господства в смысле тотальности, представляя фетишизм общей динамикой, имеющей объяснительную силу по отношению к нескольким областям отчужденных сил: в частности, государству и капиталу, а также, в неявном виде, семье, религиозным и интеллектуальным институтам. Превосходя марксистский материализм, Перлман предлагает дифференцированный учет власти в качестве основы для социальной критики, что отражает не только его критический долг перед Вебленом и Миллсом, но и растущее взаимодействие с анархизмом, чьи идеологические базовые концепции он все чаще использует (см. Franks, Jun & Williams, 2018). Речь про обобщение Перлманом ключевой идеи Маркса об отчуждении как практике, причем труд больше не является краеугольным камнем объяснения, а лишь частным случаем власти, разнообразные формы которой отчуждаются через взаимосвязанные режимы господства и воспроизводящие их институты.

Перлман никогда не предложит более систематического изложения своей политической социологии. Концептуальный аппарат власти, отчуждения и персонификации слабо звучит в его поздних работах. Действительно, Хуба убедительно доказывает, что духовная политика ПЕПЛа построена на квазиманихейском дуализме. Первоначальное описание Левиафана ясно иллюстрирует его зависимость от людей-операторов, но также подается в виде ужасающей инопланетной силы, неостановимой в своей гонке к завоеванию и уничтожению планет. При всей своей силе этот однонаправленный, всепоглощающий рассказ - в основном обязанный концепции Жака Каматта о "бегстве капитала" (см. El-Ojeili 2014) - отходит от более раннего подхода Перлмана к фетишистскому воспроизводству и его потенциальной дезинтеграции на практике. В результате вопрос о социальных преобразованиях вновь ставится через непроходимый пролив между эдемскими истоками человечества и пустошью цивилизации. В итоге Перлман отождествляет революционный разрыв с экстатическим восторгом, побегом от одомашнивания в дикость.

Боб Блэк находит в "Руководстве" *"мало предвосхищения критики цивилизации"* в ПЕПЛе и "Проливе". Это, безусловно, относится и к технологическому прогрессу. Вторя опасениям Бога в "Забастовке", Велли предупреждает, что независимые рабочие, которые *"сеют семена анархии"*, будут *"распространяться по мере дальнейшего развития производительных сил"* (1974:249-250). Однако уже в "Руководстве" эта телеология постпрофицита прерывается авторитарным авангардом, позволяя государству возродиться в своей архаичной форме. Действительно, в "Руководстве" уже прослеживается широкий взгляд Перлмана на иерархическую цивилизацию и, в частности, его внимание к древней и неотъемлемой тенденции государства к колонизации и территориальному захвату - еще один возможный долг Кропоткину в его работах о Российской империи и раннем становлении государства в Европе (см. Kinna 2016: ch.4; Ince 2012). Я бы также предположил, что обилие античных и мифических тем в "Руководстве" - это указание

Перлмана на диахроническую всеобщность его социальной критики, действующей во времени так же, как она действует синхронно во всей совокупности институциональных концентраций отчужденных человеческих сил. Наконец, центральная тема капитуляции перед отчужденными силами возвращается в повествование ПЕПЛ, где чередой анархических восстаний сменяются государственными переворотами, а коренные народы подхватывают логику господства, даже сопротивляясь вторжению.

В целом, между ранними и поздними работами Перлмана больше преемственности, чем разрыва, как могут предположить некоторые из его примитивистских последователей. Однако его влияние на современный анархизм ни в коем случае не должно ограничиваться примитивистскими течениями. Хотя его поздние работы были частью поворота детройтской газеты *Fifth Estate* к критике мегамшины (Millett 2018; ср. Watson 1981), ранние работы и переводы Перлмана имели гораздо более широкое влияние. Максималистская критика господства всех режимов и институтов и соединение революционной политики с приверженностью коллективному и индивидуальному отчуждению успешно отразили пересекающиеся низовые мобилизации 80-х и 90-х годов и стали дискурсивной границей между анархизмом и марксистскими и либеральными левыми. К тому времени, когда движение альтерглобализма было в самом разгаре, "постлевые" анархисты также обратили эту критику на анархический платформизм, синдикализм и социальную экологию (Black 1998, Moore 2016, Jarach 1999, Landstreicher 2002), что вызвало напряженность, которая сохраняется и по сей день. Поэтому, хотя критика одомашнивания остается центральной для эко-анархизма и программ тотального освобождения, она опирается на более раннюю и более фундаментальную формулировку Перлмана об анархистском максимализме, которая лежит в основе анархистского возрождения последних десятилетий.

Вот вам и контекстуальная интерпретация работы Перлмана. В оставшейся части этого раздела я хотел бы перейти к более аналитическому подходу и поставить под сомнение модель власти Перлмана, а также то, как она в итоге упускает конституирующее насилие. Возвращаясь к дуальной модели в "Руководстве", мы видим две отличительные формы власти (производственная и общественная) с двумя отличительными фетишизированными формами (товар и офис), представляющими две отличительные ценности (обмен и легитимация) и, таким образом, являющимися частью двух аналитически отличительных областей (капитал и государство). В обоих случаях именно повседневная практическая деятельность (работа и послушание) воспроизводит отчуждение, отречение или отстраненность этих сил. Одна из проблем этого описания - его неполнота. Аккуратно выстраивая приведенную выше параллель, он умалчивает о том, какие (другие) силы отчуждаются при воспроизводстве семьи и религиозных/интеллектуальных институтов, которые, по мнению Перлмана, требуют равного внимания. По итогу, он не дает оснований для анализа первого порядка ни патриархата, ни идеологического производства.

Еще более важно, что в изложении Перлмана существует основная концептуальная проблема. В то время как производительная сила отчуждается в процессе труда, то, что, по его словам, отчуждается в государство, - это власть сообщества, *"власть индивидов коллективно решать методы, средства и цели своей социальной деятельности"* (1972: 17). Но в терминологии Перлмана производительная власть есть самовластие, которым индивид продолжает обладать на практике, даже если оно отчуждено в виде наемного труда, корвея

или рабства. В отличие от этого, общинная власть (тривиально) принадлежит группе и полностью перестает осуществляться, если заменяется повиновением. Перлман здесь не очень точен - Велли говорит: государственная власть должна быть захвачена *"в течение короткого момента после экспроприации народом правящих классов"*, но до того, как народ *"обретет уверенность в своих собственных силах"* (184) - термин "силы" теперь применяется коллективно, становясь неотличимым от общинной власти. Несоответствие здесь более глубокое. Подумайте, что в отсутствие отчуждения *"методы, средства и цели"* социальной деятельности, определяемые через общинную власть, также охватывали бы способы организации и распределения производительной силы. Следовательно, власть сообщества отменяется в той же мере в случае наемного труда, что и в случае легитимированного послушания.

Речь идет о подмене Перлманом координативной и коллективной формы власти второго порядка тем, что должно быть конституирующей самовластием первого порядка, соответствующим государству. В связи с этим возникает вопрос: какую "специфическую социальную власть" (18), кроме производственной, содержит государство в своей отчужденной форме? В противном случае мы остаемся без формы власти первого порядка, которая могла бы регулироваться через власть сообщества, но сегодня отчуждена именно как государственная власть, наравне с отчуждением производственной власти как товара и денег. Аргумент Велли о том, что государство готово заменить капитал в управлении производством, кажется практически создан для того, чтобы снять эту проблему. Каким бы убедительным он ни был, во времена Советского Союза этот аргумент лишь ослаблял определение модели.

Ответ - который, возможно, должен был быть очевиден для Перлмана - заключается в том, что власть специфически маскирует не способность организовывать жизнь (что также делают товары), а способность убивать и калечить. Хотя государственная власть всегда связана с производственным процессом, ее особое содержание заключается не в координирующих функциях, а в насильственной силе, лежащей в основе ее приказов. Перлман стремится подчеркнуть повседневное воспроизводство, но в итоге отстраняет насилие от его конституирующей роли:

“ Хотя многие приказы персонификации исполняются насильственными методами, предоставление легитимности не является результатом принуждения. Если бы власть персонификации основывалась только на насилии, персонификации не нужно было бы быть легитимной, чтобы выполнять свои команды... Насилие сопровождает власть, которой обладает персонификация, но не делает ее легитимной". (18)

Действительно, насилие не производит легитимацию. Но оно также не просто "сопровождает" ее насилие представляет собой институционализированную физическую силу, которая подкрепляет повиновение и возникает перед лицом сопротивления угрозам принуждения, что и продемонстрировали "Йиппи". Однако, работая в обратном направлении от фетишизированных форм власти, Перлман фактически путает эмпирическую частоту с аналитическим порядком. Хотя легитимация является наиболее распространенным

источником повиновения, она не является его окончательной гарантией.

Это не только анархистское и веберовское понимание; даже Энгельс (в минуту откровенности) дефинирует государство *"институтом общественной силы, больше не идентичной непосредственной организации народа как вооруженной силы... Чиновники теперь представляют себя органами общества, стоящими над обществом... представители власти, которая отчуждает их от общества"* (1972; pp. 229-230). В рамках синтеза, к которому, похоже, стремится Перлман, диада продуктивной и общественной власти имеет гораздо меньше смысла, чем диада продуктивной и деструктивной (или насильственной) власти, регулируемой либо через общественную власть, либо через их соответствующие процессы отчуждения. И та, и другая представляют собой *"самовластие индивида"* (31), независимо от того, использует ли он их в контексте самонаправленного сообщества или как часть своего функционирования в процессе отчуждения. К продуктивно-насильственной диаде мы можем теперь добавить второе, регулятивное измерение, варьирующееся от полной власти сообщества до полного захвата фетишизированными социальными формами.

Хотя эта аналитическая поправка может усилить концептуальную связность счета Перлмана, сама диадическая структура явно ограничена: как по охвату, не позволяя учесть гендер, религию и т. д.; так и по чрезмерной определенности, когда ее аккуратность заслоняет пути между властями и институтами, которые она описывает. Тем не менее, приведенное выше обсуждение уже демонстрирует возможность рассматривать идеологическое выражение Перлмана как существенную основу для отчетливо анархистской политической социологии. Непосредственно продвигая антипредставительную практику, его подход дает анархистам зачатки собственной последовательной линзы, с возможностью анализировать внутривластные концентрации власти и пересекающиеся через них режимы господства. Таким образом, он выполняет двойную работу - объясняет динамику власти и обосновывает политику прямого действия. Важно, что Перлман не отдает аналитического первенства ни одному из этих институтов и режимов, тем самым предлагая синтез с более новыми теориями межсекторальной, репродуктивной и государственной власти (Pritchard 2021, Angulo 2019, Laursen 2021), а также деколониальными и тотально освободительными повестками дня (Black Seed 2021; Nocella et al. 2015). Вопрос о том, может ли подобного рода синтез действительно послужить основой для социальной борьбы, остается открытым.

Заключение

Творчество Фреды Перлман остается богатым для изучения. Давно назрело признание его новой фигурой в анархистском цинизме, и эта статья лишь поверхностно коснулась его объемной и разнообразной деятельности. В настоящее время Лоррейн Перлман готовит к публикации второй, неоконченный том "Пролива". Многие еще предстоит написать о литературной трактовке Перлманом революционной политики и лояльности в "Letters of Insurgents", о его последующем взаимодействии с экофеминистской и деколониальной критикой, о его противоречивых отношениях с еврейским наследием и Холокостом, а также о его быстро меняющемся визуальном языке. Архивы Перлмана, к которым у меня не было доступа, могут дать новое представление обо всем этом.

Творческие таланты Перлмана были настолько разнообразны, а его выразительные фонтаны настолько индивидуальны, что он не находил причин для специализации. Один за другим он осваивал научную дисциплину или жанр выражения и переходил к чему-то другому. Если бы он прожил дольше, возможно, ему удалось бы вернуться к более систематическому изложению своей социальной теории, но, учитывая его личные и интеллектуальные трансформации, это сомнительно.

Надежды, которые Фреди испытывал в 1968 году, рассеялись в последующие десятилетия, а его горячее желание принять участие в коллективных усилиях по ликвидации репрессивных социальных институтов осталось нереализованным. Его поиски подходящего агентства для социальных изменений также не увенчались успехом. Тем не менее он оставался верен этим целям в личной жизни и интеллектуальных проектах. Он с сочувствием и вниманием изучал попытки самых разных сопротивленцев, использовал свои порывы к мастерству для создания привлекательных публикаций, надеясь через них общаться с... (по словам [героини "Letters of Insurgents"] Софии) "себе подобными". (Perlman 1989:139)

Сегодня ранние работы Перлмана передают его постоянную озабоченность тем, что мы ежедневно воспроизводим сложные режимы господства, а также его неизменную веру в силу массовых восстаний, открывающих путь к сообществу и взаимопомощи. Обе эти темы крайне важны и должны оставаться в центре нашего внимания, пока продолжается планетарный коллапс. Как бы мы ни опаздывали избежать биосферных последствий изменения климата, потери экосистем и токсичного загрязнения, мы все равно можем бороться за то, чтобы противостоять этим последствиям в рамках свободных человеческих обществ, основанных на равенстве и солидарности.

Литература

Angulo, Silvia. *The Feminist Third Wave: Social Reproduction, Feminism as Class Struggle, and Contemporary Women's Movements*. California State University, Los Angeles, 2019.

Artnoose. 2014. *Love & Letters of Insurgents*. Fifth Estate 392

Arshinov, Peter. 1974/1923. *History of the Makhnovist Movement*. Detroit: Black & Red

Aubert, Danielle. 2019. *The Detroit Printing Co-op*. Los Angeles: Inventory Press

Black, Bob. 1998. *Anarchy After Leftism* (San Francisco: CAL Press)

Black, Bob. 2004. *We Have Met the Enemy and They are Us*. *Social Anarchism* 36

Black Seed. 2021. *Not on Any Map*. Berkeley: Black Seed

Blauvelt, Andrew. 2016. *All Printing Is Political*. *The Gradient*, Dec.6

Boldyrev, Ivan and Martin Kragh. 2015. *Isaak Rubin: Historian of Economic Thought during the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia*. *Journal of the History of Economic Thought*

37.3:363–386

Cafard, Max. 1996. *The Dragons of Brno*. Fifth Estate 347

Camatte, Jacques. 1976. *The Wandering of Humanity*. Detroit: Black & Red

Cohen, Mitchell. 2009. *Out In Front of a Dozen Dead Oceans*. Brooklyn: Red Balloon

Dauvé, Gilles (Jean Barrot) and François Martin. 1974. *Eclipse and Re-emergence of the Communist Movement*. Detroit: Black & Red

Debord, Guy. 1970. *Society of the Spectacle*. Detroit: Black & Red
el-Ojeili, Chamsy. 2014. 'Communism... is the affirmation of a new community': Notes on

Jacques Camatte. *Capital & Class* 38.2:345–364
el-Ojeili, Chamsy and Dylan Taylor. 2020. 'The Future in the Past': Anarchoprimitivism and the Critique of Civilization Today. *Rethinking Marxism* 32.2:168–186

Firth, Rhiannon and Andrew Robinson. 2020. Robotopias: mapping utopian perspectives on new industrial technology. *International Journal of Sociology and Social Policy* 41:3/4:298–314

Franks, Benjamin. 2020. *Anarchisms, Postanarchisms and Ethics*. Rowman & Littlefield.

Franks, Benjamin, Nathan Jun and Leonard Williams, eds. 2018. *Anarchism: a conceptual approach*. London: Routledge

Geras, Norman. 1971. Essence and appearance: aspects of fetishism in Marx's *Capital*. *New Left Review* 65.1–2:69–85

Gordon, Daniel. 2011. Reaching Out to Immigrants in May 68: Specific or Universal Appeals? In *May 68: Rethinking France's Last Revolution*, eds. Julian Jackson, Anna-Louise Milne & James S. Williams. Palgrave Macmillan. pp. 93–108

Gordon, Uri. 2018. *Prefigurative Politics Between Ethical Practice and Absent Promise*. *Political Studies*

Gregoire, Roger and Fredy Perlman. 1969. *Worker-Student Action Committees*. Detroit: Black & Red.

Huba, Mark. 2015. *The Other Shore: On Politics and 'Spirit' in Fredy Perlman's Against Hisstory, Against Leviathan*. PhD, Monash University.

Ince, Anthony. 2012. In the Shell of the Old: Anarchist geographies of territorialisation. *Antipode* 44.5:1645–1666.

Jarach, Lawrence. 1999. Anarchists, Don't let the Left(overs) Ruin your Appetite. *Anarchy AJoDA* 48

- Kinna, Ruth. 2016. *Kropotkin: Reviewing the Classical Anarchist Tradition*. Edinburgh University Press.
- Kropotkin, Peter (1903/1969) *Modern Science and Anarchism*. In *Selected Works*. London: Freedom Press
- Landstreicher, Wolfi. 2002. *From Politics to Life: Ridding Anarchy of the Leftist Millstone*, *Anarchy AJoDA* 54
- Laursen, Eric. 2021. *The Operating System: An Anarchist Theory of the Modern State*. Oakland: AK Press
- Lee, Unruh. 2010. Reading 'Letters of Insurgents' 34 Years After its Publication. *Fifth Estate* 383
- Lefebvre, Henri. 2014 (1947, 1962, 1981). *Critique of Everyday Life*. London: Verso.
- Lefebvre, Henri. 2009a (1940). *Dialectical Materialism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Lefebvre, Henri. 2009b (1966). *Theoretical Problems of Autogestion*. In *State, Space, World*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp.138-152.
- Lenin, Vladimir. 1917. *Letter to the Central Committee*. In *Collected Works v.26*. Moscow: Progress Publishers
- Malatesta, Errico. 1899/2014. *An Anarchist Programme*. In *The Method of Freedom*, ed. Davide Turcato. Oakland: AK Press.
- Mills, C. Wright. 1942. *Locating the Enemy: The Nazi Behemoth Dissected (Review of Franz Neumann, Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism)*. In *Power, Politics and People*, pp. 170-178.
- Mills, C. Wright. 1946/2009. *From Max Weber: Essays in Sociology*. London: Routledge
- Millett, Steve. 2004. *Technology is Capital: Fifth Estate's critique of the Megamachine*. In Jonathan Purkis and James Bowen, eds., *Changing Anarchism*. Manchester University Press, pp.73-98
- Moore, John. 1995/2016. *Prophets of the New World: Noam Chomsky, Murray Bookchin, & Fredy Perlman*. In *Anarchist Speculations*. Berkeley: Ardent Press. pp.343-366
- Moore, John. 1998/2016. *Maximalist Anarchism/ Anarchist Maximalism*. In *Anarchist Speculations*. pp.9-14
- Musto, Marcello. 2015. *The 'Young Marx' Myth in Interpretations of the Economic-Philosophic Manuscripts of 1844*. *Critique* 43.2:233-260

- Nocella, Anthony, Richard White and Erika Cudworth, eds. 2015. *Anarchism and Animal Liberation: Essays on complementary elements of total liberation*. Jefferson, NC: McFarland
- P. R. 2020. *The self-abolition of the proletariat as the end of the capitalist world*. Quito: Proletarios Revolucionarios
- Perlman, Fredy and Lorraine Perlman. 1968a. *Black & Red 2*: Chicago, 1968
- Perlman, Fredy and Lorraine Perlman. 1968b. *Black & Red 4: We Called a Strike and No One Came*
- Perlman, Fredy. 1969a. *The Reproduction of Daily Life*. Detroit: Black & Red
- . 1969b. *The Incoherence of the Intellectual: C. Wright Mills' Struggle to Unite Knowledge and Action*. Detroit: Black & Red
- . 1970. *Essay on Commodity Fetishism*. *Telos* 6:244-273
- and Lorraine Perlman (as M. Velli). 1972/1974. *Manual for Revolutionary Leaders*. Detroit: Black & Red
- Perlman, Fredy. 1976. *Letters of Insurgents*. Detroit: Black & Red
- . 1979. *Progress and Nuclear Power*. *Fifth Estate* 14.2
- . 1982. *Anti-Semitism and the Beirut Pogrom*. *Fifth Estate* 17.3
- . 1983. *Against His-story, Against Leviathan!* Detroit: Black & Red
- . 1984. *The Continuing Appeal of Nationalism*. *Fifth Estate* 19.4
- . 1988. *The Strait*. Detroit: Black & Red
- Perlman, Lorraine. 1989. *Having Little, Being Much: A Chronicle of Fredy Perlman's Fifty Years*. Detroit: Black & Red
- Poynton, Darren. 2018. *Introduction to The Machine and its Discontents: A Fredy Perlman Anthology*. London: Theory and Practice / Active Distribution
- Pritchard, Gareth. 2021. *Modelling Power in Anarchist Perspective*. *Anarchist Studies* 28.1:9-32
- Proletarios Revolucionarios. 2020. *The self-abolition of the proletariat as the end of the capitalist world*. Quito: P. R.
- Rubin, Issak Illich. 1971. *Essays on Marx's Theory of Value*, trans. Miloš Samardžija and Fredy Perlman. Detroit: Black & Red
- Scott, James. 2017. *Against the Grain*. Yale University Press

Tucker, Kevin. 2017. Introduction to Fredy Perlman, Anything Can Happen. Salem, MO: Black and Green

Watson, David. Against the Megamachine. Fifth Estate 306, July, 1981

----- . 1997. Homage to Fredy Perlman. In Against the Megamachine. Brooklyn: Autonomedia

Wengrow, David and David Graeber. 2015. Farewell to the 'childhood of man': Ritual, seasonality, and the origins of inequality. Journal of the Royal Anthropological Institute 21.3:597-619.

Zerzan, John. 1974/1999. Organized Labor versus 'The Revolt Against Work'. In Elements of Refusal. Columbia, MO: Paleo Editions, pp.185-198.

Примечания

1 Это последний раз, когда я обнаружил, что Перлман использует "мужчина" и "мужчины" в общем смысле. Можно было бы еще много написать о том, как он все чаще использует женские местоимения и протагонистов, а также о его более позднем взаимодействии с эко-феминизмом.

2 Это убедительно свидетельствует о том, что именно название книги Неймана, а не только Гоббса, вдохновило Перлмана на более поздний выбор "Левиафана". Утверждение Миллса находит отклик на первых страницах ПЕПЛ, где Перлман, находясь под сильным влиянием Солженицына, намеренно стирает различия между современными обществами потребления, неолитическими рабовладельческими государствами и советской системой ГУЛАГа.

Версия #2

Зверобой создал 18 августа 2025 22:56:49

Зверобой обновил 18 августа 2025 23:02:14